
Элен Рос
Донам
Тайна Арки

Элен Рос
Донам. Тайна Арки

https://litres.ru/74732474
SelfPub; 2026

Аннотация

В Донаме слишком много секретов. И, кажется, один из них – сама Лиз.

Новая школа должна стать началом новой жизни. Но вместо спокойной учёбы Лиз получает странные перемены, необъяснимые события и череду загадочных исчезновений.

Кто-то пропадает бесследно. Защитные чары школы дают сбой. В лесу происходит нечто, о чём никто не спешит рассказывать. А некоторые преподаватели ведут себя так, будто знают гораздо больше, чем готовы признать.

Лиз начинает искать ответы. Но чем глубже она погружается в тайны Донама, тем опаснее становится расследование. И тем настойчивее ощущение, что всё происходящее каким-то образом связано именно с ней.

Кому можно доверять, если подозрительным кажется каждый второй? И что скрывается за тайной Арки?

Друзья, безумные приключения, школьные интриги и парень, который умеет раздражать не хуже, чем заставлять сердце пропускать удары.

Только вот когда вокруг столько тайн, даже собственным чувствам доверять непросто.

Добро пожаловать. Постарайся не потеряться.

Содержание

Глава 1 5
Г 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Элен Рос
Донам. Тайна Арки

Глава 1

Лиз

Вижу перед собой тёмную высокую арку, отделанную чёрным камнем, сильно обточенным и запылившимся от времени. Поднимаю голову, на самом верху виднеются буквы, но я не могу их разглядеть. Мне мешает ветер – он несёт пыль и бросает её прямо в лицо. Я пытаюсь заслонить глаза, подняв локоть перед собой.

Оставляю попытки увидеть надпись и сосредотачиваюсь на входе в арку: мне нужно пройти через неё. Делаю шаг, но по-прежнему не вижу, что там впереди. Ветер уже окрасил всё пространство вокруг меня в серый цвет. Закрываю глаза и делаю несколько быстрых шагов – я должна пройти. Чувствую под ногой пустоту и падаю в неё, широко распахнув глаза.

Просыпаюсь резко, с колотящимся сердцем.

Комната тёмная. За окном ещё ночь. Новолуние. Воздух пахнет мокрой листвой и землёй.

Я лежу неподвижно и понимаю: в комнате кто-то есть.

Не шаги. Не дыхание. Просто давление, будто кто-то смотрит и не торопится отводить взгляд. Медленно поворачиваю голову к тёмному углу у шкафа. Потом к открытому окну. Никого. Только чуть колышется занавеска.

Ощущение не уходит сразу. Тает медленно, как будто то, что стояло рядом, только сейчас шагнуло за порог.

Я сажусь. Руки слегка дрожат. Злюсь на себя за этот страх, но страх меня не слушает.

Тянусь к тумбочке. Пальцы находят знакомый бархат – мешочек, расшитый серебряными нитками. Старая колода карт, наверное, от биологической матери. Кто знает.

Вытягиваю наугад. Крысы. Серые и жирные – такие точно не приносят хороших новостей.

Меня зовут Лиз Майрос. Лиз – единственный набор букв, на который я отреагировала, когда меня нашли.

Двенадцать лет назад родители обнаружили меня тёплой весенней ночью в лесу. Я лежала под деревом и сжимала в руках маленькую чёрную сумочку. Внутри были только эта колода, спички и пара свечей. Никаких документов. Никаких воспоминаний.

Я – химера. Уникал. В моём генетическом коде есть ген животного, и никто не знает, какого именно.

Крысы, например.

Моё настроение медленно приобретает цвет этих животных.

До прошлого Нового года я думала, что останусь обычной девочкой. А потом мама нашла меня спящей в воздухе, в тридцати сантиметрах над кроватью, и увидела, что голубые глаза стали стальными.

Интересно, а у крыс серые глаза?

Через две недели заканчивается учебный год, а уже в сентябре я уезжаю в «Донам» – закрытую школу для таких, как я.

Мой папа тоже химера – гризли, мама – белка, Ник – белый медведь, он уже два года там учится.

Я не вписываюсь в семью: ноги у меня обе левые, а руки правые.

Достаю телефон. Пять утра. Ещё слишком рано, чтобы вставать, но и заснуть я больше не смогу. Решаю пораньше принять душ.

Тёплая вода разгоняет остатки сонного морока. Замираю под струйками с закрытыми глазами, чувствую, как мышцы расслабляются. Ловлю себя на том, что стою так уже слишком долго. Нехотя выключаю воду. В воздухе повисли капельки пара.

Зеркало затянула тонкая водная мгла. Провожу ладошкой по стеклу – и мои глаза открываются всё шире по мере того, как стекло проясняется.

– Какого чёрта?! – говорю я сквозь зубы своему отражению.

Волосы, ещё вчера чёрные, теперь выглядят так, будто на них ночью кто-то пролил акварель. Несколько ярко-розовых и тёмно-голубых прядей. Две – прямо у лица.

Хватаю расчёску, пытаюсь вычесать цвет. Ничего.

– Это прикол какой-то? – Уже не пытаюсь говорить тише, почти кричу на девушку по ту сторону стекла.

Тру зеркало двумя руками, расчёска падает на пол, царапнув ступню. Ладошки скользят по влажной поверхности – в отражении по-прежнему ничего не меняется. Бросаю полотенце, выбегаю из ванной. Наспех надеваю первое, что попадается под руку.

Медленно втягиваю воздух и выхожу из комнаты, в зеркало больше не гляжу.

Не стараюсь идти потише – топаю как можно громче.

Захожу на кухню. Всё, как обычно: тихо, семья спит. В отчаянии падаю на стул и смотрю в окно, как солнце только начинает разгораться. Не могу поверить в происходящее.

В просторной кухне мне становится не по себе. Всё вокруг такое светлое – любимые мамины оттенки, молочный и пшеничный. А мне сейчас хочется закрыться в маленьком чёрном склепе и никому не показываться.

На кухню тихо заходит мама. Я без слов бросаюсь к ней в объятия. Она молчит и просто обнимает меня. Мы стоим так долго. Мне бы хотелось заплакать, но не получается – как будто кто-то забыл выдать мне нужную реакцию.

Размыкаю руки, тяну себя за прядь волос.

– Я попугай? – шепчу я.

Мама гладит меня по волосам, улыбается одними глазами, внимательно рассматривая мою голову.

– Ты прекрасна. – До меня не сразу доходит смысл её слов. – Только нам нужно окончить школу, вряд ли здесь оценят такие краски. Учителя решат, что ты бунтуешь.

– А я и буду бунтовать, если окажусь попугаем. Я не поеду никуда. Ни в какую школу. Никогда.

Мама берёт меня за руку, мягко усаживает на стул и идёт заваривать чай.

Пока она разливает горячий напиток, пытаюсь собраться с мыслями.

У меня, наверное, сейчас лицо, как у рыбы, выброшенной на берег. Только рыбы хотя бы блестят красиво, а я сижу с пёстрой головой и чувствую себя цирковым пони.

– Лиз, милая, – мама садится напротив, ласково проводит пальцами по моим волосам, – вот как я предлагаю поступить: сегодня ты пропустишь школу, и мы поедем к Маре. Втроём точно придумаем, что сделать с твоей прекрасной головой.

Мара – лучшая мамина подруга. Она – ведьма. Самая настоящая.

Я обожаю вечера, когда мы с мамой навещаем Мару, хотя меня зовут не так часто.

– Постарайся ещё заснуть. Я до обеда закончу свои дела

и позвоню Маре.

– Хорошо, мам. Не хочу, чтобы в школе узнали, что я попугай.

– Такое превращение мало похоже вообще на всё, что я видела.

Мы допиваем чай, болтаем уже на отвлечённые темы. Мама рассказывает, как вчера видела в саду странную птицу с фиолетовыми перьями, и я мрачно замечаю, что это, видимо, мой тотемный предок прилетел проведать потомка.

Потолкавшись по кухне, ухожу к себе, падаю лицом в подушку и, как ни странно, засыпаю.

Эти волосы. Этот сон. Эти крысы.

Что-то начинается. И я не уверена, что хочу знать, что именно.

* * *

После обеда я уже сижу на пассажирском сиденье маминого авто.

Волосы.

Ну, хотя бы не серые.

Я провела полдня перед зеркалом, пытаясь ужиться со своим новым стилем. Решила, что с сегодняшнего дня ношу только чёрное. Совершенно не представляю, что ещё можно

надеть – всё равно все смотрят только на волосатую часть моей головы.

Спасибо, что нет хвоста. Пока.

Автомобиль останавливается у высоких коричневых ворот. Мы выходим, в калитке появляется Мара. Она очень красивая. Роскошные волосы цвета пшеницы, зелёные глаза.

Мара мягко улыбается и обнимает маму.

– Привет, дорогая, я уже думала, что ты забыла ко мне дорогу. – Мара смеётся, и я понимаю, что это шутка: подруги встречаются не реже двух раз в месяц. – Лиз, привет!

На пару секунд она замирает, глядя на мои волосы.

Я даже не пытаюсь их спрятать – наоборот, слегка трясу головой, демонстрируя «шедевр».

– Ты такая красивая! – восхищается Мара.

– Привет, – бурчу я. – Спасибо. Хотелось избавиться от этой красоты.

– Посмотрим, что можно сделать.

Заходим в дом. Никаких лягушачьих глаз или жертвенных птиц. Обычный дом, яркие обои, тёплое освещение.

Пока мама и Мара болтают, я уже разливаю чай и нарезаю пирог. Уверена, что Мара его купила – она ни за что не встанет у плиты.

У Мары есть муж – оборотень и сын – ему только четырнадцать, он, как и отец, лунный волк.

– Лиз, ты в следующем учебном году будешь в «Донам», – Мара прерывает ход моих мыслей. – Сэм уже не может дождаться своих пятнадцати, а мне не верится, что остался всего год. Как же быстро вы растёте.

– Да, наверное, – негромко бормочу я, раскладывая пирог по тарелкам.

Мама и Мара болтают долго, обо всём подряд.

Изучаю стены, потом окно – делаю вид, что увлечена. Время от времени отвечаю коротко, но с достаточным интересом.

На самом деле мне не терпится поговорить о себе. Подруги не замечают моего волнения.

Решаю идти в гостиную – чая я уже напилась.

В гостиной сажусь на массивный дубовый диван. Ищу пульт от телевизора – в надежде пощёлкать каналы, пока жду аудиенции.

Слышу стук входной двери, возню в коридоре. Через минуту в гостиную вваливается Сэм – с рюкзаком наперевес и своей улыбкой, которую я в шутку называю «волчий оскал».

– О, привет, Лиз! – Он явно удивлён. – Давненько не виделись. Я заметил машину Аны, но подумал, что она одна.

– Привет. – Почему-то я тоже широко улыбаюсь – невоз-

можно реагировать иначе на его искренние, живые эмоции.
– Да, сегодня я удостоилась чести быть с мамой.

– Ты такая красивая с твоими волосами! Готовишься к новой школе, поэтому покрасилась? – Сэм небрежно роняет рюкзак на пол и плюхается на диван рядом со мной.

Вблизи видно, что он тоже изменился с нашей последней встречи – волк в нём проявляется всё активнее. Глаза стали ярко-синими, волосы того же оттенка, что у матери, теперь коротко острижены. Подрос, раздался в плечах. Будто кто-то подменил Сэма на более крупную модель.

– О, не напоминай. – Тяну себя за волосы. – Это не добровольный окрас. Проснулась сегодня с этой «красотой». – Морщу нос, всем видом демонстрируя страдание.

– О, ну ты точно не волк. – Сэм смеётся, явно не понимая, что мне не нравится мой новый цвет. – Может, ты бабочка? – Накручивает прядь моих волос на палец. – Очень красивая бабочка.

И в этот момент я вижу себя глазами мужчины.

Ну, какого– никакого.

Он что-то меняет в моей голове своим искренним восхищением.

Я ехала сюда, чтобы обрести себя, а обретаю нечто большее – факт того, что я красивая. Это поражает меня. Никто и никогда не называл меня красивой. Мама, папа и Мара не в счёт – они предвзяты в этом мнении. Я мысленно благодарю Сэма. Он сам не догадывается, какую услугу мне оказал.

– Спасибо. – Смотрю в его синие глаза, мысленно пытаюсь передать, как я ему благодарна.

– Я голоден. Да и с Аной нужно поздороваться. Пойду на кухню. Ты со мной?

– Нет, я уже пила чай. Больше не могу их слушать. Кажется, я здесь надолго застряла.

– Тогда я сейчас что-нибудь съем и вернусь. Не скучай.

– Окей.

Сэм выходит, а я уже не пытаюсь искать пульт.

Как этот мальчишка смог за две минуты перевернуть моё настроение?

По телу растекается то самое облегчение, какое бывает, когда находишь ответ на, казалось бы, невозможную задачу. И меня уже не так пугает даже попугай.

В «Донам», наверняка, есть куча таких же химер.

Когда живёшь среди простаков, не так часто видишь других уникалов. Заметить нас непросто – у нас нет рогов или шерсти на лице. Только эльфов можно узнать по слегка острым ушкам. Что уж говорить о цветных локонах, когда каждая девчонка после двенадцати лет спешит выделиться краской для волос?

Мои мысли прерывает телефон. Сообщение от Рика:

«Привет! Ты куда пропала? Надеюсь, не заболела перед экзаменами?»

Совсем забыла написать ему, что не приду сегодня в школу. Обычно я такого не допускаю.

Нас с Риком ждёт серьёзная проверка чувств. Когда я уеду, мы будем видеться только на каникулах. Даже эта мысль наводит на меня тоску – как будто мне уже лень играть в чувства на расстоянии. Быстро набираю:

«Привет! Всё ок. У нас с мамой дела. Завтра буду на уроках. Скучаю!»

Сама написала – сама не верю. Никакой скуки по нему я не испытываю. Странное открытие. Тревожный звоночек, который я предпочитаю пока не слушать.

Сэм возвращается в гостиную, всё ещё в школьной форме.

– Боюсь, ты реально застряла. Эти женщины не замечают даже моего присутствия. Бесконечно болтают. – Сжимает пальцы, имитируя говорящий рот. – Пошли в мою комнату, поиграем в приставку?

– Идём. – Поднимаюсь с дивана и едва не падаю – правая нога затекла.

– Не спеши так, времени у нас много. – Сэм улыбается, подаёт мне руку. Ладонь легко поднимает меня на ноги.

Этот волчонок окреп.

Иду, прихрамывая, за ним в другую комнату. Захожу и сразу включаю приставку – мы тысячу раз уже играли в неё.

– Отвернись, я переоденусь. – Сэм отходит к шкафу.

– А что подумает твоя мама, если зайдёт? – смеюсь я, отворачиваясь к монитору.

– Всё правильно подумает. А я расплачусь и скажу, что ты меня затащила.

Настраиваю игру. Сэм садится рядом, берёт геймпад. Играем, подшучиваем друг над другом. Иногда слегка бью волка ладонью, если он выигрывает.

Я знаю Сэма всю жизнь, он мне как брат – с ним легко и весело. Уже не считаю, сколько прошло времени. После моего очередного фиаско он кладёт геймпад на пол и с серьёзным лицом поворачивается ко мне.

– Лиз, у меня есть одна просьба к тебе. Даже не знаю, как лучше сказать. Дело, – короткая пауза, – можно сказать, интимное.

Поднимаю бровь. Видимо, это правда важно – раньше он ни о чём не просил меня с таким лицом.

– Говори?

– Э-э… Я знаю, что у тебя есть парень и всё такое. Но просьба чисто практическая. Чёрт… Не знаю, как сказать. – Прячет глаза за ладонью.

– Я уже боюсь. У тебя есть девушка? Или при чём тут мой парень?

– Да, есть одна девушка, но не у меня. Она мне давно нравится, а я ей, похоже, нет.

– Я её знаю? Мы же даже в разных школах учимся.

– Может, и знаешь. Но дело не в ней, а во мне. Понимаешь, чтобы её как-то подцепить, мне нужно… – осекается. – Ой, извини, дурацкий разговор получается.

– Ну уж нет, договаривай: что тебе нужно? – Начинаю щекотать Сэма. Сказал «А» – говори и «Б». Он отбивается, ло-

вит меня за оба запястья. Перестаю только потому, что он правда сильнее.

– Всё, всё, хорошо. – Восстанавливает дыхание. – Понимаешь, вы, девчонки, такие романтичные. Вам нужны обнимания, поцелуи. А я… В общем, я никогда ни с кем ещё не целовался. Не считая детского сада.

Замолкает. До меня доходит смысл его слов. Медленно, но доходит.

– Ты хочешь… я… чтобы… – запинаясь, выдавливаю из себя слова.

– Можно тебя поцеловать?

На секунду зависаю. От этой просьбы попахивает каким-то абсурдом, честное слово – как будто Ник попросил бы меня быть его напарницей на свидании. Но Сэм мне не брат, кровь тут ни при чём, а главное – он впервые вообще о чём-то меня просит. Такое кого попало не попросишь.

Вспоминаю свой первый поцелуй: я даже не дышала. Если бы он продлился дольше минуты, мог бы стать и последним. Может, и мне в своё время не помешал бы кто-то, кто заранее проверит технику.

– Я уже всё видел в кино, – прерывает моё молчание Сэм. – Но это не одно и то же.

– Чисто по технике, – неожиданно для себя говорю я.

Сэм молча убирает мои волосы за ухо, кладёт ладонь на лицо. Не спеша наклоняется и целует меня.

Кто тут кого учит?!

Глаза сами закрываются. Хватаюсь за рукав его футболки, чтобы не упасть, он придерживает меня за спину. Где-то внутри что-то обрывается и тут же вспыхивает – тепло, совсем не братское, совсем не вежливое. Так не должно быть.

Мозг кричит: *«Это Сэм!»* Тело почему-то не торопится слушать мозг.

– Кха-кха.

Отпрыгиваем друг от друга, будто нас ударило током. В дверном проёме стоит Мара.

– Кажется, я мешаю…

Если бы я могла краснеть, была бы сейчас пурпурной. К счастью, в критической ситуации организм мобилизует все силы и не выдаёт меня.

– Я объясню. – Голос звучит твёрже, чем я себя чувствую. – Тут есть логическое объяснение.

– О нет, спасибо, я не хочу его слышать. – Мара улыбается. – Я хотела позвать тебя, Лиз, в кабинет. И раз уж ты больше… не занята. – Короткая пауза, быстрый взгляд на сына. – Идём?

Смотрю на Сэма. Он молча улыбается, на щеках едва заметный румянец.

Почему они все улыбаются?

Интересно, через сколько минут Мара разболтает всё маме, и та тоже начнёт смотреть на меня с такой же идиотской улыбкой?

– Да, идём. – Невозмутимо встаю, следую за ведьмой. Бро-

саю последний грозный взгляд на Сэма.

Вот поганец!

Выходим на улицу молча. Иду знакомым маршрутом в рабочий кабинет Мары – небольшую пристройку к дому с отдельным входом, святая святых ведьмы.

Мара не склонна к порядку дома и в саду, но здесь у каждой вещи своё место. Ничего общего со стереотипными тёмными комнатами из телешоу. В воздухе – лёгкий запах шалфея и воска.

Мама уже сидит на диване, печатает что-то в телефоне.

Сажусь в кресло, Мара – на свой рабочий стул.

– Как твои успехи с картами? – интересуется ведьма.

– Пользуюсь спросом у девчонок в школе, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем я себя чувствую.

– Я, как твой проводник, – Мара улыбается, в улыбке что-то тёплое и чуть лукавое, – очень рада твоим успехам. Карты – это только инструмент. Главное – твоё сердце.

– Знаете… – Перевожу взгляд с мамы на подругу. – Я больше ничего не хочу делать со своими волосами.

Мама отрывается от телефона, поднимает брови. На лбу тонкие морщинки – предвестники маминого недоверия.

– Ты же ещё пару часов назад была категорически против? – Смотрит с изумлением, в голосе нотки подозрения. – Что-то случилось?

Перевожу взгляд на Мару и одними глазами сообщаю:

«Если ты хоть слово скажешь о том, что только что видела, я тебя убью. Медленно». Ведьма верно считывает послание – в глазах мелькает усмешка, но она молчит. Между нами проскакивает что-то вроде молчаливого соглашения.

Но от мамы такой разговор не скрыть. Она слишком хорошо нас обеих знает.

– Вы уже о чём-то договорились? – Мама переводит взгляд с меня на подругу.

– Нет, мам. Это Сэм. – Решаюсь рассказать часть правды. – Он убедил меня, что нет ничего необычного в моих волосах. Потому что я химера, и в «Донам» полным-полно таких изюминок у всех.

Обычно от мамы ничего не скрыть, но с моей выдержкой я скармливаю ей полуправду – и сомнений не остаётся. Или она просто делает вид, что поверила.

Мара ей, конечно, всё растреплет, но это будет уже моя версия. Мама мне доверяет. Может, даже зря. Сама удивляюсь, как легко мне иногда пустить её по ложному следу. Не то чтобы я постоянно вру – нет. Но мамам не всегда стоит знать всё. Для их же спокойствия.

Сижу, опустив голову, смотрю на мать круглыми глазами, готовыми вот-вот расплакаться.

Надо будет попробовать себя в театре.

– Тогда я знаю, что нам сделать. – Мара берёт обе мои руки в свои. – Тебе осталось совсем немного учиться среди простаков. Я сделаю оморочку. Тот, кто не имеет способно-

стей, изменений не увидит. Для них ты, как и была – роскошная брюнетка. А если в твоей школе есть уникалы, но слабые – моих чар им не пробить. Я сильная, старая ведьма. Меня не так просто победить.

Иногда мне кажется, эта ведьма разговаривает со мной, как с трёхлетней. Вот как сейчас. Может, побочный эффект профессии – ей часто приходится иметь дело с не самыми далёкими людьми.

Мара отпускает мои руки, достаёт чёрную свечу и щепотку сушёных трав. Я никогда не видела собственными глазами, как она проводит ритуалы.

Оказалось, всё довольно скучно: зажгла свечу, посыпала мне на голову сушёную зелень, молча поводила руками. И, должно быть, сработало. Оценить результат пока не могу – изменений не вижу.

Напоследок Мара достаёт Таро, просит вытянуть карту. Снимаю первую с колоды. Дьявол.

– Ну, а чего мы ждали от такой бестии? – смеётся ведьма. – Ты у нас ещё тот чертёнок, Лиз.

За её напускным смехом – фальшь я отличаю – вижу, как она бросает короткий острый взгляд на маму. Между ними что-то проскакивает, чего мне не прочитать.

– О, я тоже знаю, что это значит, – говорю, пытаясь разрядить обстановку. – Меня ждёт новая жизнь, полная всякой сверхъестественной нечисти. Через каких-то три месяца.

После ритуала, если его можно так назвать, идём обратно в дом. Подруги снова пьют чай.

Казалось бы, уже пора выпить весь чайник.

Откланиваюсь под предлогом, что хочу посмотреть телевизор.

Конечно, сразу иду к Сэму. Мысленно я его уже побила, убила и захоронила где-то в лесу.

Стучу в его комнату. Тишина. Без разрешения приоткрываю дверь – никого. Гадёныш слинял.

Чуял, видимо, своим волчьим нюхом, что я вернусь и буду не в лучшем расположении духа.

Бреду в гостиную, нахожу пульт на спинке дивана – кажется, он тут всегда и был. Включаю первый попавшийся канал и залипаю, пока мама наконец не решает ехать домой.

Сейчас мне важно разобраться ещё с одной проблемой – отношения с Риком. Пришла пора приоткрыть ему завесу и сообщить, что мы будем вынужденно далеки друг от друга.

Чувствую себя так, будто меня пропустили через мясорубку. Из положительного – такое состояние позволяет быстро и крепко заснуть.

* * *

Пока утром собираюсь в школу, мысленно обещаю себе выкинуть всю цветную одежду. Потом великодушно прощаю

ни в чём не повинные вещи и оставляю чёрные, тёмно-синие и пастельные.

Школьная форма, к счастью, чёрная: брюки, жилет, молочная блузка. Выгляжу как официантка из очень дорогого ресторана.

Ну и ладно.

Выхожу из машины, делаю глубокий вдох. Воздух пахнет нагретым асфальтом, бензином и близким летом.

Вчерашний день остался позади. Экзамены на носу, надо собраться.

На перемене мне навстречу выныривает Рик. Целует меня в щёку и убегает в свой класс.

После уроков мы увидимся: погода прекрасная, можно погулять в парке или посидеть у фонтана, который недавно торжественно открыли рядом со школой.

Когда звенит последний звонок, Рик уже ждёт меня на ступенях. Солнце путается в его волосах, добавляет им золота. Хочется запомнить этот момент, спускаюсь чуть медленнее обычного. Рик по-хозяйски обнимает меня.

– Идём к фонтану. Там все собираются.

Подчиняюсь, направляемся к остальным.

Здесь оживлённо. Сажусь на широкий бортик. Ветер время от времени бросает мне в лицо холодные капли – отлично

сочетаются с полуденным жаром.

Рик кладёт рюкзак рядом с моим, ложится, опускает голову мне на колени. Запускаю пальцы в его волосы. От Рика пахнет гелем – что-то сладковатое, с нотой мяты.

– Как прошёл твой день без меня? Ты скучал? – говорю самым сладким голосом, на который способна.

– Конечно. Знаешь, пока тебя не было, половина девчонок из твоего класса пыталась ко мне подкатить.

Забавно. Раньше не замечала, чтобы кто-то из них интересовался Риком. Может, весеннее солнце так будоражит кровь?

– У меня тоже кое-что произошло. – Решаю подразнить его. Осторожно, как кошка, которая играет с мышью. – Один мой знакомый, малолетка… – по факту он младше меня на год, – …попросил научить его целоваться. Хотел впечатлить какую-то девчонку, а сам никого раньше не целовал.

– И ты согласилась? – договаривает за меня Рик. Голос меняется, становится жёстким как сталь.

Улыбка сползает с моего лица. Как он мог такое подумать?

Действительно, как так, Лиз?

Рик вскакивает, нависает надо мной – напряжённый, красный. Моё молчание он принимает за «да».

– Шлюха! – говорит громко, театрально, чтобы слышали все вокруг. – Когда мы начали встречаться, я думал, ты не такая!

Щёки горят, ноздри раздуваются. Смотрю на него снизу

вверх, мир сужается до размера этой секунды.

– Я специально выбрал такую серую мышь, которая никому не может понравиться! Столько красоток строят мне глазки, готовые запрыгнуть в мою постель, а я выбрал тебя. Потому что знал: конкурентов нет. Не придётся бегать и следить. Ты всегда будешь у моих ног и будешь делать то, что я скажу! Ты мерзкая шлюха, Лиз. Ещё и стрёмная!

Слова падают как удары. Организм быстро реагирует, отключает все внешние эмоции. Зато внутри всё сыплется, как кирпичи в доме под снос. Встаю, смотрю Рику прямо в глаза.

– Что ты такое говоришь? Я… – Осекаюсь, не в силах закончить: «…тебя люблю!»

Какого чёрта. Что там пишут в книгах? Абьюзер? Нарцисс? Да нет. Он просто придурок.

– Да, Рик. Тяжёлый у тебя был выбор. Мне так жаль, что я отняла у тебя лучшие годы жизни. – Уголки губ ползут вверх в самой саркастичной улыбке, внутри – ледяная пустота. – И кстати, даже малолетка целуется лучше тебя! Пожалуй, я уже готова запрыгнуть к нему в постель!

Не спеша поднимаю рюкзак, разворачиваюсь на каблуках, которые так любит Рик. Спасибо моему теперь уже бывшему: научилась ходить на шпильках, не спотыкаясь. Он продолжает орать что-то вслед, но я уже не слышу. Слёзы душат изнутри, не в силах пролиться на каменное лицо. Вместо этого текут по сердцу и жгут его каждой каплей.

Один поцелуй. Один!

Злюсь на себя и на Сэма.

Надеюсь, той девчонке понравятся его слюнявые подкаты. И что теперь он будет краснеть перед каждой следующей подружкой, вспоминая, как его мама застукала нас за «тренировкой».

Уже в школьных воротах на полной скорости врезаюсь в какого-то парня. К счастью, Рик уже далеко и не видит, как я падаю на четвереньки.

Отличная поза для моего нового амплуа.

Парень помогает подняться, закидывает мой рюкзак себе на плечо. Поднимаю глаза. Он из параллельного класса. Вроде, зовут Алек.

Отряхиваю колени и ладони. Он чуть выше меня, худощавый. Светлые волосы блестят на солнце, большие зелёные глаза смотрят на меня… с восторгом?

– Лиз, ты сегодня такая красивая!

– Что? – Рот приоткрывается. Моргаю, пытаясь переварить услышанное.

– Эти цветные пряди тебе очень идут.

Хлопаю глазами, всем видом показываю полное непонимание. Какие пряди? Чары Мары должны были скрыть всё от простаков. Если он их видит – значит, не простак.

– И я вижу твою ауру, – шепчет он, наклоняясь ближе. – Тёмно-серая. – Смотрит на мою макушку. – А ещё у тебя маленькие ушки. Вот здесь.

Показывает пальцем на место, где, по его словам, у меня растут уши.

Ну, очень сильная ведьма Мара. Старая – да, тут согласна.

Первый попавшийся уникал меня раскусил. И не просто уникал, а какой-то ботаник из параллельного класса.

– Извини, что врезалась. И спасибо за помощь. – Тянусь за рюкзаком. – Очень спешу.

– Тогда увидимся в новой школе. Я буду на магическом факультете.

– Да… увидимся.

Быстрым шагом ухожу по дорожке. Никогда бы не подумала, что этот мальчишка ведьмак. И, видимо, со способностями выше среднего.

Уши, говоришь.

Значит, я всё-таки не попугай. И даже не бабочка.

* * *

На следующее утро вся школа, разумеется, знает, что я переспала с каким-то малолеткой. Слухи здесь разлетаются быстрее лесного пожара – наверное, у них есть специальный чат для сплетен. Девчонки шушукаются за спиной, бросают презрительные взгляды. Рик, словно нарочно, попадается на каждой перемене. Скандал сыграл ему на руку: свободные и даже несвободные леди окружили бедняжку заботой. Теперь

он преданный и страдающий от любви герой.

Стараюсь не выходить из кабинета без нужды. Когда-нибудь им надоест.

Повторяю про себя: *«Серая мышь»*. Так спасаю себя от мысли, что мы ещё можем помириться.

Не можем!

Грудь при этом болит почти физически – остро, ноюще, противно, а лицо не выражает ничего.

Сосредотачиваюсь на учёбе. Не хватало ещё завалить экзамены и остаться здесь на второй год.

Иду из столовой, изо всех сил отгораживаясь от шума, как вдруг сбоку голос:

– Слышал, ты любишь помоложе.

Поворачиваюсь. Глаза готовы испепелить хозяина этих слов. Но передо мной Алек. Лукаво улыбается, ждёт реакции.

– Мы теперь обязаны дружить после всего, что между нами было? – выпаливаю я.

– Ну, может, у меня есть шанс? Несмотря на мой преклонный возраст?

– Ты не заметил? Я самая популярная девочка в школе.

Впервые за день улыбаюсь. Плечи чуть опускаются.

– Раз уж мы оба ещё здесь, – продолжает он, – я хотел бы быть твоим партнёром на выпускном. Ты пока свободна? Или место спутника занято?

Я даже не думала об этом. Мы репетировали танец два месяца, и Рик, разумеется, был единственным вариантом. А теперь я без пары. Не идти на бал? Или, о ужас, танцевать весь вечер одной? Как быстро Алек нашёл для меня выход из этого болота. Готова его обнять.

– Нет. – Качаю головой. – Спутника пока нет. Спасибо за приглашение, буду рада пойти с тобой. Несмотря на то, что ты слегка староват.

Звенит звонок, убегаю в класс.

К последнему учебному дню школа почти забывает о моей личной жизни. Все заняты экзаменами и выпускным.

Большую часть свободного времени провожу с Алеком. Кроме репетиций вальса он рассказывает о своих способностях. Быть химерой, как выясняется, гораздо скучнее. В зависимости от гена мы бываем суперловкими, сильными, быстрыми, выносливыми или даже ходим по потолку. Но маги… маги – самые интересные из уникалов. Они работают с самой вселенной: подчиняют пространство и других людей. Их магия не имеет границ, и никогда не знаешь, где и как она проявится.

Успешно сдаю все экзамены.

И вот выпускной бал. Мы с Алеком доводим вальс до последних звуков. Всю мелодию старательно отдавливаю ему

ноги, а он ни разу не поморщился – только шепнул, что у него всё равно нет планов на будущее с пальцами на ногах.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.